

Как-то раз поутру

[214]
ИЛ 7/2020

КАК-ТО раз поутру, когда в Уэльсе наступила зима, а зеленое море поникло, словно трава после ночного дегтярно-черного шквала стенаний, я вышел из дома, где поселился на время холодного неурочного отпуска, чтобы посмотреть, перестал ли дождь, не унесло ли ветром флигель, запасы картофеля, ножницы для стрижки овец, пса-крысолова, сети для ловли креветок, жестянку ржавых гвоздей, и все ли утесы уцелели. Ночь была такой лютой, что один посетитель в прокуренном баре, увешанном изображениями кораблей, сказал, что ему почудилось, как над ним закачалось надгробье и сдвинулось с места, хотя он еще даже не умер; а потом засияло прозрачным покоем утро, как раз такое, каким нам кажется завтрашний день.

Солнце осветило приморский городок, но не весь целиком — сверху донизу, от обиженной часовни, покрытой оцинкованной крышей, до приникшего к гавани пустого серого пакгауза, пристанища крыс и шорохов, — а только разъятые пестрые уголки. Вот на свету распрямился причал, а на его плечах громоздились чайки и кабестаны, похожие на человечков в пузатых штанах. Вот блеснула крыша полицейского участка, черная, словно каска, сухая, словно судебная повестка, безмятежная, словно воскресный день. Вот уже блики заляпали церковь, высветив повисшее над ней облако в форме колокола на грани полета и звона. Вот проступили трубы выкрашенной в розовый цвет пивной; пивная дожидалась субботнего вечера с нетерпением развеселой девицы, поджидавшей матросов.

Городок еще не проснулся. Разносчик молока тихо лежал, погруженный в чеканную музыку своих снов, рассказанных по-валлийски, где сбывшиеся голоса звучали сильнее тенора Карузо, задушевнее Бена Дэвиса¹; они пронзали своды местного театра и Манчестерской оперы и смолкали на вершинах заиндевелых холмов. Городок еще не проснулся. Младенцы в спаленках на верхних этажах выбеленных солью домов, подступивших к самой воде, и в особняках с эркерами, теснивших газоны вдоль аккуратно обсаженных деревьями, петляющих по холму улиц, тревожили рассвет полусонными криками. Несколько отставных морских капитанов показались на секунду над гребнями волн выше тех, что швыряли их корабли, и снова канули, погружаясь все глубже в средиземно-синюю каюту сна, убаюканные шумом моря.

1. Бен Дэвис (1858–1943) — английский тенор, дебютировал на оперной сцене в 1881 г.

Квартирные хозяйки в передниках, накинув шали поверх блузок, прикорнули в зашторенной, драпированной шелком черноте некогда лишних комнат, грезя о своих возлюбленных, о своих доходах, о своих постояльцах — кто-то умер, кто-то сбежал, кто-то погребен посреди английских пустошей, пока трубный глас грядущего драгоценного августа не вернет их в мир дождевого буйства, песчаных дюн и скорбных утесов перед заплаканными окнами гостиных, не вернет туда, где скатерти с бахромой, фаршированные фазаны, папоротники в горшках, выпцветшие фотографии бородатых, суровых мертвецов, рукописные альбомы с локонами пушистых, бесцветных, перевязанных лентой волос, придавленных тяжестью крышек черного переплета.

Городок еще не проснулся. Птицы пели на карнизах, в кустах, на деревьях, на телеграфных проводах, на перилах, оградах, на перекладинах и влажных мачтах, не от любви или восторга, а чтобы отпугнуть других птиц. Оперенные домовладельцы оспаривали даже право летучего света снижаться и восседать на жердочке.

Городок еще не проснулся, и я брел по улицам, словно чужак, вышедший из моря, с каждым шагом стряхивая с себя водоросли, волны и мрак, или словно дотошная тень, полная решимости всюду успеть, — к началу осторожного пробуждения трепетной петушиной гортани, готовой возвестить зарю, и к первому стрекочущему толчку назначенного часа во чреве будильника на уставленном безделушками комодe, над которым висели вышитые изречения в рамках и срисованные акварелью пейзажи Порткоула¹ или Тринидада.

Я проходил мимо домишек, где неприметные окна подсматривали за морем, а благонравные мужчины и женщины еще лежали в ночном забытии, отгородившись нарядными шторами, и, готов поспорить, отчаянно безумствовали в своих снах. В голове мисс Хьюз, Милашки, лязгали кимвалы восточного чертога. Евнухи ударяли в гонги размером с часовню Вифезды². Султаны зычными голосами, способными перекричать заезжих проповедников, требовали танца, совсем не похожего на валлийский. Повсюду лучились и рдели краски сновидений маленькой, серой, как мышка, женщины; они источали оттенки пурпура, фуксии, рубина, сапфира, изумруда, багрянца и меда. Но я не мог в это поверить. В своем крохотном сонном мирке она сплетала саван из тусклой пряжи, а на груди выткала “Не сотвори...”.

1. Порткоул — город в Южном Уэльсе.

2. Имеется в виду часовня Вифезды в Гвинедe (Северный Уэльс).

Я не мог представить, что Кэadwalладер Дэвис, бакалейщик, в предрассветном сне лихо, как Коди¹, скачет верхом по прерии, поросшей кактусами, заткнув за пояс пару пистолетов. Ему привычнее складывать, вычитать, писать расписки, подшивать бесконечные счета при свете свечи, вставленной в яичную скорлупку.

Какие безбрежные моря разливались во сне Капитана? По каким сине-китовым волнам он плыл сквозь радужный град летучих рыб к чарам скотского острова Цирцеи? Да не привидятся ему дивиденды, бутылка пива и луковица.

В одном из домов кто-то храпел. Я насчитал десяток то кровожадных, то негодующих похрюкиваний и завываний; только свиньи на какой-нибудь образцовой чистенькой ферме издают подобные звуки, от которых дребезжат стекла, содрогаются умывальные тазы, звенят стаканы с зубными щетками и просыпаются сони. Этот храп грохотал мне вслед до самой часовни, потом чиркнул о кованую ограду и затих.

Часовня стояла суровая, серая, предупреждая день о том, что не потерпит никаких шуток. Часовня не спала, она никогда не дремала по-кошачьи, не клевала носом, не смыкала свое вытянутое холодное око. Я прошел мимо нее, проклинавшей утро, а морская чайка виновато застыла над ней.

Я взбирался и спускался по городским улочкам, пока не услышал на самой окраине, как закричали петухи в укромных двориках и на обветшалых, выступавших над водой сваях, где могли бы восседать сказочные морские птицы, выкликая Нептуна. А вдалеке, над другой церковью, в другой деревушке, в другой вселенной раздавался бой часов, хотя время уже улетело вместе с ветром. Я шагал в утреннем безвременье вдоль белых домишек, почти поверив, что сейчас из какого-нибудь окна выглянет, путаясь в ночной рубаше, дряхлый бородатый старик с песочными часами в руке и, сжимая под мышкой рукоять косы, спросит у меня, который час. Я бы сказал ему: “Прислушайся к изношенному счетчику сердечных ударов в груди альбатроса и разбуди погруженных в сон горожан, чтобы настало ослепительное новое утро”. Я бы сказал ему: “Ты, немислимый отец Евы и прародителя Адама, выходи, старый петух, и своей косою, похожей на черпак, начинай баламутить зимнее утро”. Я бы сказал ему... — а сам я стану скакать по утесам, словно ошпаренный призрак, и спрыгивать вниз к двуязычному морю.

1. Билл Коди (“Buffalo Bill”) (1891–1948) — голливудский актер, снимавшийся в вестернах в 20-е гг. XX в.

Кто жил в этих домишках? В приморском городке я был приезжим, ни юным, ни постаревшим чужаком из города, где зарабатывал себе на хлеб, да еще с маслом, мечтая о сдобной булке и деревенском солоноватом масле цвета желтка. Несомненно, там жили рыбаки; художники, не писавшие ничего, кроме лодок; там не было горластых, как попугаи, женщин, одетых по-мужски, которые таскают с собой складные стулья и этюдники в погоне за натурой в виде голов недоверчивых, коренастых местных жителей, сидевших за кружкой пива на фоне сумрачного, как часовня, моря, но на холсте оно было бы лазурней Неаполитанского залива, впрочем, чуть мельче.

Я снова свернул на скалистую тропинку; городок остался внизу и теперь мало-помалу просыпался. Из одной трубы поднимался дым, и я подумал, что это дом сапожника, но издали я мог ошибиться, и, возможно, то была труба над домом бывшего санитара, который переехал в Уэльс после многолетней успешной борьбы с сумасшедшими богачами южной Англии. Его не любили. Он с одного взгляда определял ваш размер смирительной рубашки и представлял, как вы отскакиваете от резиновых стен, словно футбольный мяч. Он не удивлялся никаким выходкам. Многие горожане едва сдерживали желание спрятаться за угол и подсматривать за ним исподтишка, или, добродушно посмеиваясь, ткнуть пальцем в воображаемых сцепившихся псов, или начать судорожно пританцовывать, чтобы просто доказать ему, что они нормальные.

Теперь еще из одной трубы повалил дым. Ночь прошла, они сжигали свои сны. Из трубы выползла длинноволосая, потусторонняя тень, похожая на матерого политика. Кому-то снилась либеральная партия. Но нет, туманная фигура растворилась и свернулась изящной, четкой, серой запятой. Кто-то во сне читал Чарльза Моргана¹. Ну вот, теперь городок начинал просыпаться, и я отчетливо услышал, как голоса городка, упрямо пробиваясь сквозь неспешный говор моря, зашелестели вокруг меня. Голоса раздавались один за другим:

Я ли все та же Мэй Хьюз, Милашка для всех в округе?
Хмурое море стонет со мной всю ночь напролет,
Тоскую о милом сыночке своем и супруге,
Что бродят по белому свету который уж год.

1. Чарльз Морган (17783–1843) — английский писатель, врач, публицист, автор философских и исторических произведений.

Я Коротыш Эванс, капитан корабля “Кидвелли”;
Шепчут соседи мне вслед: “Бедняга, он так одинок”.
О миссис Эванс, покойной, долго они скорбели,
Но мне хорошо одному, а ее я терпеть не мог.

Я Клара Тоу Дженкинс, все звали меня Примадонной,
Под старым халатом контральта свое берегу.
Сижу у окна и пою для пучины бездонной,
Ведь море не знает, что больше я петь не могу.

Пархедиг Томас Эванс не прочь с утра выпить чаю.
Жиденький чай глотаю, завтрак не трачу зря.
Я каждое утро с тревогой рассвет встречаю,
Гадая, где моя вера, в какие ушла моря?

Задернуты шторы, камин погас, и слуги не кажут носа.
Я миссис Огмор Причард, хочу подремать часок.
Займитесь уборкой в гостиной, канарейке насыпьте
проса,
А коль солнце не вытрет ноги, не пускать его на порог.

Я Гриффитс, постигая науки, едва не лишился зренья.
Сейчас собираюсь в школу, осталось надеть пиджак.
Учителей покровитель, дай мне побольше терпенья.
Избавь от слов на доске “Очкарик Гриффитс – дурак”.

Вы трели мои слышали? Я – Фиби, с утра все пела.
Я служу в “Королевской короне” и вечно трещу, как
сверчок.
Кто высыпал перец в чайник – совсем не мое дело.
Я разбужу постояльцев, завтрак подам – и молчок.

Вот так несколько голосов городка, который примостился
на скалах у самого края Уэльса, устремились из мрака и сновидений
к заново рожденному, вековому и лишенному времени
утру; налетели и стихли.